

В. В. НИКУЛЬЦЕВА
Москва

Идентичные окказионализмы в творчестве Игоря Северянина и Владимира Маяковского

Не является секретом, что идентичные индивидуально-авторские неологизмы бытуют в языке разных поэтов, творивших в одну эпоху. Подобные словоновшества выдвигают проблему авторства: кто из писателей «придумал» новое слово, а кто заимствовал его у коллеги как наиболее удачное, семантически емкое и благозвучное? Вопросы, казалось бы, нерешаемые.

Игорь Северянин и Владимир Маяковский не случайно считаются друзьями-соперниками. Оба поэта создали уникальные поэтические системы, в рамках которых сложились индивидуальные стили каждого. Общим компонентом своеобразных идиостилей Северянина и Маяковского являются лексические неологизмы, часть которых абсолютно совпадает либо по форме, либо по значению, либо и в том и в другом отношении сразу. Такие идентичные образования представляют большой интерес. Возникли ли они параллельно в языке писателей или налицо процесс заимствования одним поэтом удачной словоформы, созданной другим?

Из поэтического языка обоих поэтов мы взяли 57 идентичных неологизмов. Абсолютными двойниками можно считать слова, обладающие тождественным лексическим значением и морфемным составом, произведенные одинаковым способом, но не всегда имеющие сходную стилистическую функцию. Это такие слова, как *нудь*, *стихóзы*, *сверхдреднóут* (*сверхдреднóт*), *мóрево*, *зальдйтсья*, *хáмий*, *оветрeнный*, *слёзовый*, *весeнитсья*, *огне́ть*, *одиночи́ть*, *рьянь*, *дру́жий*, *ца́рий*, *сонь*, *новь*, *белёсо*, *лазóрье*, *острóжно*, *у́тло*.

Существительные *нудь* («что-либо нудное, повторяющееся, вызывающее раздражение») и *сонь* («сонное состояние») являются безаффиксными образованиями на основе прилагательных *нудный* и *сонный*. Существи-

тельное *рьянь* («резвость, усердность; рьяность») — усечение, образованное на базе слова *рьяность*. Все три существительных имеют значение абстрактности признака. Семантикостилистическое звучание этих образований обусловлено поэтическим контекстом. И у Маяковского, и у Северянина существительные *нудь* и *рьянь* имеют отрицательную оценочную сему, и поэтому их употребление создает соответствующий эмоциональный настрой; ср.:

Какая нудь! здесь все свиное:
Мечты, глаза, окорока!
(Северянин. Поэма о Полтаве);
О, сколько нуди такой городимо,
от которой
мухи падают замертво!
(Маяковский.
Четырехэтажная халтура).

Аналогично ведет себя в контексте и слово *рьянь*; ср.:

Бывает: сразу станут дни пусты.
Рьянь стихнет в них...
(Северянин. В пустые дни);
Высунув языки,
разинув рты,
носятся элписты
в рьяни,
в яри...
(Маяковский. Бюрократиада).

Кому из поэтов принадлежит авторство идентичных словоформ? Попытаемся это установить.

Основной критерий здесь — хронологический; иными словами, определяется, в каком году написано произведение, включающее окказионализм. Второй критерий — частотность употребления словоновшества. Однако он не всегда объективен, так как Маяковский, в отличие от Северянина, часто использовал неологизмы «к случаю», т. е. единично. И третий критерий — так называемый «бытовой»,

эпистолярно-биографический: на основе анализа переписки с друзьями, а также на основе просмотра статей современников поэтов выясняется, не употреблялось ли сходное слово тем или иным писателем в устной речи. Однако этот критерий будет справедлив лишь по отношению к неологизмам Маяковского, поскольку личный архив Северянина, в том числе большая часть переписки, сгорел в Эстонии.

Итак, слова *нудь* и *сонь* впервые были употреблены Северяниным соответственно в 1915 («Настройка лиры») и 1910 («Громокипящий кубок») гг., причем слово *сонь* очень частотно в поэзии Северянина; существительное *рьянь* — новшество Маяковского, впервые отмечено у него в 1922 г. («Бюрократиада»), тогда как Северянин, внимательно следивший за успехами друга-соперника из-за границы, употребил это слово только в 1928 г. (сб. «Классические розы»).

Составитель «Словаря неологизмов В. В. Маяковского» Н. П. Колесников не включает в словник лексему *сонь*, мотивируя свое решение таким образом: «Составитель воздержался от не критического включения в «Словарь неологизмов В. В. Маяковского» таких слов, которые отмечаются позднейшими словарями (т. е. вышедшими в свет после смерти поэта)...»¹. Называя *сонь* «потенциальным неологизмом» Маяковского, создатель Словаря не исключает того, что это слово принадлежит поэту; однако сравнительный анализ употребления данного существительного в идиолектах Северянина и Маяковского показывает, что *сонь* — слово Северянина.

Притяжательные прилагательные *хамий* («принадлежащий хаму»; «состоящий из хамов»), *дружий* («относящийся к другу; дружеский»), *царий* («принадлежащий царю; царский») образованы от основ существительных (*хам*, *друг*, *царь*) при помощи форманта *-ий*. Анализ стилистической роли

этих слов показывает, что слова *дружий* и *царий* имеют нейтральный характер, а *хамий* содержит оттенок пренебрежения:

И фрейлина царя, принцесса

Эльгина,

Жене моей как-то в интимной беседе
Поведала нечто о знатной милэди...

(Северянин. Кэнзель IV);

Народ

разорвал

оковы царьи,

Россия в буре,

Россия в грозе...

(Маяковский.

Владимир Ильич Ленин).

Слова *дружий* и *царий* принадлежат, несомненно, Северянину. Он впервые употребил их в 1907 («Поэзоантракт») и 1914 («Ананасы в шампанском») гг. соответственно, тогда как Маяковский «погрузил» их в поэтический контекст только в 1923 («Рабочий корреспондент») и 1924 («Владимир Ильич Ленин») гг. Относительно слова *хамий* возникают некоторые сомнения. Оно появилось в идиолектах обоих поэтов в 1920-е годы. Осенью 1922 г. в Берлине произошла встреча Маяковского и Северянина, и слово *хамий* могло родиться в устной речи и одинаково функционировать в их идиолектах, будучи закрепленным в языке художественной литературы несколько позже.

Это же касается слов *стихозы*, *сверхдредноут*, *лазорье*. Отметим, что слово *лазорье* (собират. — «все, что имеет цвет ясного неба, цвет лазури») употреблено Северяниным впервые в 1913 г. («Златолира»), а Маяковским — в 1914—1915 гг., причем у последнего оно стилистически снижено; ср.:

О, безбрежное лазорье!

Душа парит! пара, творит!

(Северянин. Гризель);

Мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!

(Маяковский. Облако в штанах).

Весной 1913 г. Северянин отправился в турне по городам России с Ф. Сологубом и А. Н. Чеботаревской, а в

¹ Колесников Н. П. Словарь неологизмов В. В. Маяковского. — Тбилиси, 1991. — С. 9.

январе 1914 г. состоялась «Первая олимпиада российского футуризма», объединившая эго- и кубофутуристов. В этой поездке участвовал и Маяковский. Рожденное совместно слово *лазорь* можно признать коллективным неологизмом, хотя впервые его употребил Северянин.

Слово *стихозы* со значением «стихотворения» имеет иронический оттенок; ср.:

Не ваши ль гнусные стихозы
И «современья пароход»
Зловонные взрастили розы
И развратили весь народ?
(Северянин. Поэза дополнения).

Здесь слово явно приписывается кубофутуристам, на что недвусмысленно указывает цитата из «Манифеста футуризма»; ср. также:

Рынок
требует
любовные стихозы.
(Маяковский).
Не все то золото, что хозрасчет).

Оба процитированных отрывка создают некоторый парадокс: поэты, употребляя слово *стихозы* в явно ироническом ключе, как бы приписывают авторство своему сопернику. Вероятно, прозвучав как обидное название стихов (скорее всего, именно в устах Северянина, в поэтическом языке которого имеется родственное слово *стихозопотроха*) в 1919 г. («Менестрель»), оно стало коллективным и «отверженным» неологизмом.

Существительное *сверхдредноут* также появилось в 1920-е годы, т. е. в период наивысшего расцвета творческой полемики Северянина с Маяковским, у первого — в «утопической поэме» «Солнечный дикарь» (1924), у второго — в поэме «Хорошо!» (1927). Ср.:

«Сверхчеловеком» значишься теперь
И шлешь «врагу» ультимативно ноты.
И в глупом чванстве строишь ты,
сверхзверь,
Сверхзверские, как сам ты,
сверхдредноты!
(«Солнечный дикарь»);

А
поверх
всех
с пушками
чудовищной длинноты
сверх-
дредноуты...
(«Хорошо!»).

Наречия *моревое*, *белесо*, *острожно*, *утло* образованы от соответствующих прилагательных (*моревый*, *белесый*, *острожный*, *утлый*). Три последние формы прилагательных узуальные, но словари не фиксируют производные от них наречия, которые мы рассматриваем как неологизмы. Слова *белесо* и *острожно*, бесспорно, северянинские, так как впервые употреблены им соответственно в 1911 («Эскизетка») и в 1914 г. («Поэза истребления»). У Маяковского слово *белесо* впервые отмечено в 1918 г. («Мистерия-буфф»), а *острожно* — в 1921 г.:

Что же делать?
Поджигателей наказывать острожно...
(«Близится сушь». Окна РОСТА).

Отметим, однако, что в контексте Северянина *белесо* употреблено как наречие, а у Маяковского (в ремарке драматического произведения) — как слово категории состояния:

Рай. Облако на облаке. Белесо.
(«Мистерия-буфф»).

Несмотря на различную частеречную соотнесенность, оба слова нейтральны в стилистическом отношении и семантически ничем друг от друга не отличаются, будучи образованными от одного и того же прилагательного.

Форма *моревое* произведена от окказионального прилагательного *моревый*, которое отсутствует в языке Маяковского, но в большом количестве встречается в стихах Северянина. У обоих поэтов наречие *моревое* имеет значение «подобно морю; бурно, как море»; ср.:

В шумном платье муаровом,
в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите
моревое...
(Северянин. Кэнзели);

И Красин
едет,
сед и прекрасен,
сквозь радость рабочих,
          шумящую морево.
(Маяковский. Хорошо!).

Несомненно, что ранний (появившийся в 1911 г.) столь частотный поэтический изыск принадлежит Северянину и создан в духе его поэтики, тем более что в северянинском контексте наречие имеет дополнительные оттенки значения: *проходить морево* — значит не только «подобно морю», но и «шумно, широко, величественно, как море».

Словоформа *утло* не отмечается в корпусе «Словаря неологизмов В. В. Маяковского»; отсутствует она также в 17-томнике и Словаре В. И. Даля. Северянин обратился к этому наречию в процессе перевода стихотворения «Утро»:

Как утло
Ползут очертанья
Виденья сквозь шторы.

Услово *утло*, «открытое» им лишь в 1928 г., Северянин никак не мог поместить в свою уникальную творческую копилку, тогда как Маяковский, практически не изменяя значения узального прилагательного *утлый* («ненадежный, непрочный / убогий, жалкий»), легко образует от него наречие на *-о* и единожды употребляет в своеобразном поэтическом контексте:

Запели петли утло,
и тихо входят будни
с их шелухую сутолок.

(«Человек»).

Поэма написана в 1916—1917 гг., поэтому первенство в данном случае принадлежит Маяковскому.

Рассмотрим идентичные глагольные формы: глаголы *зальдиться*, *весениться*, *огнеть*, *одиночь* и причастие *оветренный*.

Глагол *зальдиться* в значении «сильно охладеть; превратиться в лед» употреблен Северяниным в 1912 г. в сборнике «Громокипящий кубок»:

Сирень — сладострастья эмблема.
В лилово-изнеженном крене

Зальдись, водопадное сердце,
в душистый и сладкий
          пушок...

(«Мороженое из сирени»).

Отмечается он также и в другом сборнике стихов Северянина — «Златолира», первое издание которого увидело свет в 1914 г. У Маяковского слово *зальдиться* встречается лишь один раз в стихотворении 1928 г.:

Зальдилась жара.
Бурак белеет.
(«Точеные слоны»).

Авторство Северянина здесь бесспорно.

Глагол *весениться* тоже северянинский. Характерно, что он употреблен обоими поэтами только в форме повелительного наклонения; ср.:

Весенься вечно, бог пьяный слепо,
Всегда весенься, наивный бог!
(Северянин. Эпиталама);

Весеньтесь, жизни всех стихий!
(Маяковский.
Флейта-позвоночник).

Образовав глагол от существительного *весна*, придав ему значение «находиться в состоянии весны, чувствовать себя по-весеннему» и впервые употребив слово в 1911 г., Северянин повторяет его в 1915 г., а также использует в переводных произведениях («Поэты Эстонии»). Первые серьезные поэтические опыты Маяковского отмечены 1913 годом, когда Северянин был уже на пике славы и создал огромное количество неологизмов. Слово *весениться* Маяковский употребил вслед за Северяниным.

То же самое касается и слова *одиночь* («проводить время в одиночестве; быть одинокой»). Образованный от прилагательного *одинокий* глагол содержит сему «тоска, печаль» и потому употребляется в контекстах, создающих эмоционально-оценочное восприятие событий; ср.:

Одиночила в комнате девушка.
(Северянин. Тень апельсинной ветки);

Капли чернеющей крови
стынут крышами кровель.

Стилистическая функция слова *новь* в произведениях обоих поэтов различна. Маяковский пользуется словом единично в качестве наименования отвлеченного качества (значение слова только номинативное), тогда как у Северянина это слово имеет оттенки торжественности; ср.:

Сердцем смято в жалкий ком
вчерашнее,
новью опечален дух.
(«Литовская песня»).

Высокое книжное *новь* в «первичном» контексте Северянина диссонирует с межстилевым нейтральным *новь* в языке Маяковского.

В заключение попытаемся ответить на вопрос, почему же одинаковые неологизмы возникали в поэтическом языке Северянина и Маяковского.

«Маяковскому нравились его [Северянина. — В. Н.] стихи, и он нередко полуиронически, полусерьезно напевал их про себя», — писал Б. Лившиц в книге «Полутораглазый стрелец» (Л., 1933. — С. 192). Действительно, некоторые высказывания Маяковского, его открытые поэтические нападки на Северянина (например, в «Облаке в штанах»), мемуары современников и самого «гения Игоря Северянина» («Уснувшие весны», 1933) показывают, что Маяковский всерьез интересовался «собратом по перу», не просто соревнуясь с ним,

но вступая в сложную творческую борьбу.

Существуют свидетельства современников, отмечавших победу Северянина на Вечере поэзии в Политехническом музее (Москва, 1918 г.) и подчеркивавших негативную реакцию Маяковского на избрание «Короля Поэтов». Сам Северянин, судя по его стихотворным произведениям (поэме «Трагедия на легком фоне», поэмам, автобиографическому роману в стихах «Колокола собора чувств» и др.), относился к Маяковскому очень дружелюбно. Так или иначе, но вопрос: кто талантливее — Северянин или Маяковский — некорректен. Имя первого сейчас реабилитировано, но феномен его до сих пор не раскрыт, имя второго вновь переосмыслиется, «деполитизируется». Одно несомненно: несмотря на то, что окказионализм мог возникнуть у любого поэта независимо от того, существовал ли он когда-либо в языке или был создан другим писателем, сходные словоформы в поэтическом лексиконе «друзей-соперников» не случайны.

Возвращаясь к абсолютным двойникам, проанализированным нами с точки зрения употребления и авторства, сделаем несколько неожиданный, но вполне закономерный вывод: из 20 сходных окказионализмов 16 принадлежит Северянину, а Маяковскому — всего 4.